

Г. Гобель, А. Собоуль

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ РУССО и ИСТОЛКОВАНИЕ РУССОИЗМА

По альманахам времен Великой французской революции

перевод В. Халиф

Французский ежегодник 1978

М.: Наука. 1980. С.13-35

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Французскую революцию часто называют «дочерью Просвещения». И в самом деле, если рассматривать ее как единое явление, она представляется своего рода огромным усилием по переустройству общества и государства на основах разума — усилием, венчающим эпоху философов. Но при более пристальном рассмотрении можно увидеть, до какой степени конкретные обстоятельства, интересы разных социальных слоев и различные идеологические течения сказывались все эти годы на процессе реорганизации как общественных, так и политических учреждений. Аристократическая «предреволюция» 1787—1789 гг., либеральная революция 1789—1791 гг. («нация, король, закон»), демократическая революция и «революционный порядок управления» 1792—1794 гг. («деспотизм свободы») — все они могут, хотя и на разных основаниях, возводить себя к Просвещению. Все они, несомненно, восприняли его идеи.

Но о каком Просвещении идет речь в эти различные периоды? Оно вовсе не было чем-то единым. Несмотря на весьма значительную общую основу и широкое согласие по поводу некоторых принципиально важных понятий, таких, как «разум», «природа», «счастье», «добродетель», Просвещение отнюдь не представляло собой однородной системы. Расстояние между аристократическим либерализмом Монтескье и плебейским бунтом Руссо весьма велико. На разных этапах революции различные идеологические течения того времени, соответствующие различным общественным структурам старого порядка, воплощались в таких-то конкретных людях или такой-то группировке. На пути от мысли к действию идеологические ценности, превращаясь в события и поступки, искажались и меняли свои очертания.

Если же обратиться не к различным идеологическим течениям, а к творчеству какого-то отдельного философа, то и здесь можно увидеть, до какой степени изменялись в ходе революции идеи Просвещения, преломляясь сквозь призму социальной реальности и ее требований.

С этой точки зрения особенно характерен пример Монтескье¹. Владелец Бреды выступал как феодал, враждебный монархическому деспотизму. Он стремился лишь к тому, чтобы восстановить устаревшие привилегии дворянства. Полагая, будто главная угроза исходит со стороны короля, он нападал на абсолютную власть и делал это столь успешно, что произведение, которое по первоначальному замыслу должно было защищать скорее аристократию, чем парламенты, стало для членов этих парламентов настольной книгой и оружием в борьбе. Придав ему иной смысл, они широко использовали его в борьбе против королевской власти. Но на этом не закончились превратности посмертной судьбы Монтескье. В то время как собственные его политические убеждения были убеждениями либерального аристократа, видящего в традиции хранительницу свободы, его труды были взяты на вооружение той частью буржуазии, которая задавала тон в Учредительном собрании, и приспособлены ею к уровню буржуазных ценностей. Лучший пример тому — конституция 1791 г., с ее разделением властей и цензовой избирательной системой.

¹ *Althusser L. Montesquieu, la politique et l'histoire. Paris, 1959.*

Монтескье оказал глубокое влияние и на Сен-Жюста, о чем свидетельствует появившийся в 1791 г. «Дух революции и конституции во Франции». Марат, Друг народа, говорил о Монтескье как о величайшем человеке своего времени. Таким образом, сфера влияния философа широка и многообразна.

Хотя сфера влияния Руссо не столь разнообразна, судьба его идей не менее своеобразна. Во время самой острой фазы революции Монтескье был заброшен (у Робеспьера есть несколько очень резких высказываний о принципе разделения властей) и на смену ему пришел женевский философ. Но на каком Жан-Жак остановить свой выбор, чтобы охарактеризовать восприятие руссоизма в 1793—1794 гг.: Жан-Жак жирондистов или монтаньяров? Жан-Жак якобинцев или санкюлотов? А сколько возникло нюансов или, вернее говоря, сколько отклонений от первоначальных идей перед лицом событий и явлений общественной жизни! Жирондист Верньо и монтаньяр Феликс Лепелетье одинаково ссылаются на Руссо, когда первый из них заявляет 13 марта 1793 г.: «Для человека, живущего в обществе, равенство может быть только равенством в правах», но не в материальных ресурсах², а второй 20 августа того же года так определяет цель революции: «Уничтожить неравенство в области потребления», т. е. именно в материальных ресурсах³.

На всем протяжении революции, а особенно в 1792—1794 гг. в общественном поведении людей, их социальных чаяниях и политических тенденциях заметен своего рода смутный отпечаток руссоизма. В частности, если обратиться к изучению социальных чаяний и политических настроений парижских санкюлотов, их руссоистское происхождение и руссоистское звучание сразу бросятся в глаза⁴. Этот факт очевиден. Но необходимо еще уточнить, по каким каналам проникало влияние женевского философа в народные круги, каково было в ходе революции взаимодействие между культурой образованных слоев и народной культурой.

I

Среди производившихся тогда предметов культурного обихода, с помощью которых в народных кругах распространялись идеологические понятия, одни были адресованы глазу, другие — слуху. К примеру, гравюры и картинки с ул. Сен-Жак и неверский фаянс сыграли большую роль в распространении лозунгов революции. Что же касается песен, то достаточно вспомнить хотя бы «Ça ira». То же самое относится к печатной продукции, которая обращалась одновременно и к глазу, и благодаря публичному чтению к слуху. Но какого рода печатная продукция была предназначена для народных масс?

Откроем неисчерпаемые «Картины Парижа» Себастьяна Мерсье (1781) на главе, посвященной брошюрам. «Книг требуется множество, поскольку и читателей множество; они нужны для всех общественных слоев, которые имеют равное право выйти из невежества. Лучше прочесть по-

² Верньо добавляет: «Равенство состояний так же невозможно, как равенство телосложений, сил, ума, жизненной активности, умения и труда» (Moniteur, XV, 705). Робеспьер также будет говорить вслед за Руссо, что «имущественное равенство — это химера», но при этом, как и Руссо, добавлять, что «крайнее неравенство состояний является источником многих зол и многих преступлений» и потому предлагать регламентацию права собственности (Moniteur, XVI, 213).

³ «Недостаточно того, чтобы Французская республика была основана на базе равенства; надо, чтобы ее законы, чтобы сами нравы ее сограждан в счастливом согласии вели к уничтожению неравенства в области потребления; надо, чтобы счастливое существование было обеспечено всем французам» (Journal de la Montagne, 21 août 1793; Moniteur, XVII, 440).

⁴ Soboul A. Audience des Lumières. Classes populaires et rousseauisme sous la Révolution. — Annales historiques de la Révolution française (далее — AHRF), 1964, p. 421—438.

средственное произведение, чем не прочесть никакого: всякое чтение полезно, оно развивает ум и приучает к размышлению. Если бы существовали только произведения Лабрюйера, Монтескье, Бюффона, Руссо, народную массу невозможно было бы просветить. Эти книги слишком насыщены содержанием; ей нужна более легкая пища». Такой более легкой пищей были те 8-страничные брошюры, о которых пишет в своем «Четвертом мемуаре по поводу книжного дела» Мальзерб. Их продажа была разрешена только уличным разносчикам, и, являясь как бы связующим звеном между большой литературой и читателями из народа, они расширяли влияние идей Просвещения. Такой более легкой пищей были и традиционные жанры, приспособленные к идеологическим и политическим потребностям текущего момента: сборники «правил поведения», песенники и альманахи.

Прежде всего следует сказать о «правилах поведения». Известна счастливая судьба правил поведения для детей («*De civilitate morum puerilium*»), которые Эразм опубликовал в 1530 г.: эта небольшая книга, представлявшая собой свод правил поведения, определявших, как себя вести во всех обстоятельствах повседневной жизни, породила подлинный литературный жанр, пользовавшийся большим успехом начиная с XVI вплоть до первых лет XIX в.⁵ Этот сборник был своего рода фиксацией устной традиции, переводом ее в сферу письменной культуры; вплоть до XVIII в. неоднократно выходили в свет его переводы и пересказы, отражавшие медленную и постепенную эволюцию человеческих нравов и психологии.

Потрясения, вызванные революцией, не могли не отразиться на правилах благопристойного поведения, а пропаганда не могла пройти мимо этого традиционного жанра. Во II году Республики учебники хорошего тона стали республиканскими и оставались такими вплоть до Консульства⁶. В VII году были выпущены в свет «Республиканские правила поведения, содержащие принципы благопристойности, основанные на морали, а также иные наставления, полезные для юношества». Эта брошюра, объемом в 70 страниц in=12°, составлена по тому же плану, что и прежние сборники такого рода. Разумеется, те правила, которые носят, так сказать, «телесный» характер, остались неизменными: «Сморкаясь, кашляя, плюя, старайся не производить шума... Как можно реже засовывай палец в нос». Но общие правила социальной благопристойности уже иные. «Ныне есть только одно правило, которому надлежит следовать в повседневном обиходе: вместе со всеми быть свободным, скромным, твердым и честным». На страницах этой брошюры мы находим как бы наивный отзвук одновременно и «Эмиля», и «Общественного договора». «Вне сферы своих служебных обязанностей [должностные лица] возвращаются в ряды простых граждан и имеют лишь те права на общественное уважение, которые дают им их добродетели и таланты». Следует изложе-

⁵ Об этом жанре см. недавно изданную работу (*Ariès Ph. Erasme. La civilité puerile. Paris, 1977*), где воспроизводится классический очерк Бонно: *Bonneau A. Des livres de civilité depuis le XVIème siècle. Paris, 1877*; см. также: *Ariès Ph. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris, 1960*; *Chartier R., Compère M. M., Julia D. L'éducation en France du XVIème siècle au XVIIIème siècle. Paris, 1976*.

⁶ В качестве примера можно назвать: *Chemin-Dupontès. Lettres républicaines contenant les principes de l'éducation, du civisme, de la morale, de la civilité et de toutes les vertus qui font les bons citoyens. Paris, an II (Institut pédagogique national (далее — IPN), 40 106)*; *Le citoyen Prévoist. Véritable civilité républicaine. Paris, an III*; *Le citoyen Gerlet. La civilité républicaine contenant les principes d'une saine morale, un abrégé d'une histoire de la Révolution et différents traits historiques, tirés de l'histoire romaine suivis d'un vocabulaire de la langue française. Amiens, an III (IPN, 40, 213)*; *Calais M. Répertoire bibliographique des manuels de savoir vivre en France. Paris, 1970 (80 p. dactylographiées, Bibliothèque du Conservatoire des Arts et Métiers)*. Сведения любезно сообщены мадемуазель Рембо.

ние «простых мыслей» о боге и религии, явно внушенных принципами и убеждениями савойского викария⁷.

К упомянутой «легкой пище» относятся и песенники — жанр более доступный, более веселый и на всем протяжении революции значительно более живой. При издании этих тоненьких сборничков речь шла о том, чтобы с помощью куплетов, припоровленных к текущим обстоятельствам и положенных на модный мотив, воздействовать на общественное мнение. Такие песни, как «Ça ira» и «Карманьола», уступают здесь место многочисленным «патриотическим гимнам, песням, водевилям и попури». Так, в 1792 г. вышел в свет «Патриотический песенник», а в 1793 г. в виде его продолжения — «Песенник Горы»⁸. В этом последнем сборнике, который характеризуется как «псалтырь для солдата и приятное времяпрепровождение для общества», «апостолам свободы повсеместно воздается хвала, короли и их рабы повсеместно предаются презрению потомства». Многочисленны были гимны в честь Разума, а также в честь Горы. В некоторых песнях слышны отзвуки руссоизма. Примером может служить гимн свободе и равенству, сочиненный гражданином Демаре, солдатом шанантского батальона: в одной из его строф утверждается, что человек осуществляет свою свободу повинаясь законам — идея, восходящая к Руссо; другая строфа явно внушена тирадой Фабриция из «Рассуждения о науках и искусствах».

Несомненно, что в качестве народного жанра более важными, чем «песенники» и «правила поведения», были альманахи, о которых Мишле писал, что они играли «значительно более серьезную роль, чем это кажется поверхностным людям». Иногда наивные, зачастую чересчур назидательные, эти маленькие книжечки стали во время революции орудием пропаганды. Внешне стремясь лишь к тому, чтобы указать время восхода солнца, долготу дня или фазы луны, они доносили до самых бедных семей эхо идей и политической борьбы своего времени⁹.

Этот жанр включал в себя не только альманахи в собственном смысле слова: сюда входили и альманахи, и издания к Новому году, и календари, а со II года Республики — декадни. Отличительной чертой всех изданий такого рода было непременно включение в них календаря: это внушало уверенность, что к книжечке будут обращаться в течение всего года. Следует специально отметить один факт, казалось бы сам собой разумеющийся, но в период революции, когда политические события свершаются в ускоренном темпе, приобретающий особое значение: на альманахе проставлялся тот год, для которого он был предназначен, но он пускался в продажу обычно в ноябре предшествующего года, а, следовательно, составлялся еще на несколько месяцев раньше. И в этот быстро текущий революционный период это часто порождало политическую путаницу: жирондистские альманахи, составленные в 1792 г., находились в обращении в 1793 г., даже после падения Жиронды, а в разгар тер-

⁷ Nisard Ch. Histoire des livres populaires ou de la littérature de colportage depuis l'origine de l'imprimerie jusqu'à l'établissement de la Commission d'examen des livres de colportage. 2ème éd. Paris, 1864, t. 2, p. 393.

⁸ Bibliothèque nationale (далее — B. N.), Ye 17629.

⁹ Об альманахах революционной эпохи см. каталог, составленный А. Мартеном и опубликованный в V томе «Catalogue de l'histoire de la Révolution française», хранящемся в Национальной библиотеке. Приняв классификацию Анри Вельшингера, А. Мартен делит 289 известных нам альманахов на 63 политических альманаха, 56 литературных и 170 технических, среди которых 80 местных. Лучшей работой о революционных альманахах остается книга: *Welchinger H. Les almanachs pendant la Révolution française*. Paris, 1884; см. также: *Grand-Carteret J. Les almanachs français. Iconographie des almanachs, annuaires, calendriers, chansonniers, étrennes publiés à Paris, 1600—1895*. Paris, 1896. Наконец, последней по времени вышла книга: *Bollème G. Les almanachs populaires au XVII et au XVIII siècle: Essai d'histoire sociale*. Paris, 1969.

мидорианской реакции в ходу были альманахи III года Республики, составленные в последние месяцы существования Революционного правительства¹⁰.

Если рассматривать внутреннюю структуру этого жанра и его развитие с 1789 по 1795 г., можно отметить определенную эволюцию от его традиционных функций к стремлению играть политическую роль. Как писал А. Мартен, «став орудием пропаганды, некоторые из них энергично и умело защищали такую-то или такую-то партию, такую-то или такую-то точку зрения. Под предлогом сообщения сведений о долготе дня или фазах луны они проникали в каждый дом, а затем начинали внушать представления о своевременности реформ либо же опасности нововведений». Ключ к альманahu давался обычно в «Предисловии», «Введении» или «Предуведомлении», где уточнялись политическая окраска издания и намерения его автора; иногда это делалось в форме диалога с читателем, в ходе которого указывалось, как пользоваться альманахом.

Парижские альманахи на 1789 г. еще относятся к традиционному жанру. Это книжечки-однодневки, приятное и развлекательное чтение, и в большинстве своем они аполитичны; 11 из 17 — это литературные альманахи, в которых значительное место отводится легкой поэзии, 5 имеют морализаторскую направленность и только один окрашен явной политической тенденцией, а именно аристократической. «Подарок на новый, 1789 год, или Исторический альманак для третьего сословия» сообщает своим читателям сведения о происхождении человеческих обществ и их упадке, но этот курс истории обрывается на Генрихе IV.

В 1790 г. столь мирные некогда альманахи обнаруживают тенденцию к превращению в арену политической борьбы. Ввиду популярности этого жанра альманах становится орудием пропаганды. Из 27 известных нам альманахов на 1790 г. значительно менее двух третей все еще относятся к традиционному типу альманахов или литературным альманахам, и более трети носят политический характер: всего один аристократический альманак («Аристократическая пчела, или Новогодний подарок для порядочных людей») и десять патриотических. Традиционные элементы этого жанра используются теперь в интересах различных партий: даже затмения становятся социальными и политическими. Вот что пишет «Новогодний подарок друзьям истины, или Альманах аристократов», в действительности бывший патриотическим альманахом: «Хотя эти затмения произошли в прошлом году, наблюдать их можно будет только в году текущем... Право королевской и сеньориальной охоты, право голубятни, право мертвой руки и другие — все они затмились и исчезли. Это затмение будет заметно во всех городках, деревнях и хижинах». Появление социального и политического содержания влияет на жанр, возникают критические переосмысления традиционных элементов альманаха, их приспособление к новым требованиям, эволюция в сторону действительности. «Народ многого ожидает», — утверждает «Альманах национальных преобразований», а «Современный Нострадамус» посвящает каждый месяц года какому-нибудь великому человеку — Монтескье, Вольтеру, Руссо и т. п., которых он изображает как образец для подражания. «Франция достигла наконец того периода, когда ее стародавние обычаи, ее обветшавшие законы, ее древние предрассудки уступят место новому порядку вещей».

Среди парижских альманахов на 1791 г. соотношение между литера-

¹⁰ Данная статья основана на изучении 175 литературных и политических (согласно классификации Вельшингера) альманахов, хранящихся в Национальной библиотеке, Исторической библиотеке города Парижа, в библиотеке Арсенала и библиотеке Музея народных культур и обычаев. В это число не вошли технические, местные и ежемесячные альманахи, публиковавшиеся во многих выпусках, хотя все они, особенно последние, могут представлять серьезный интерес. К примеру «Альманах республиканца» Руссо-Жакена и Дюпена, опубликованный во II году Республики, был единственным, выступившим в защиту аграрного закона (*Rousseau-Jacquin et Dupin. L'Almanach du Republicain. B. N., 8° Lc²² 52*).

турными и политическими альманахами примерно такое же, как в 1790 г. — на 21 альманах приходится 7 политических, из них один аристократический по духу («Альманах аристократов, или Эпиграмматический перечень апостолов Национального собрания в III году барнавократии»). Особо следует отметить «Календарь отца Дюшена или Пророка Сам-чертмне-не-брат», который не только носил явно патриотический характер (он высказывался против цензовой избирательной системы, против закона о чрезвычайном положении), но и впервые за время революции сознательно пытался стать подлинно народным альманахом: народным по языку и тону, по упорному стремлению придерживаться традиционных форм, присущих этому жанру (в частности, он сохранял предсказания), наконец, по выбору своей аудитории — он адресовался к беднякам, не слишком привыкшим к чтению.

Политическая обстановка лета 1791 г., когда составлялись альманахи на 1792 г., — бегство короля в Варенн, события на Марсовом поле, усиление цензовой системы — повлекла за собой решительное изменение как общей направленности альманахов, так и соотношения сил. Из 22 обнаруженных альманахов 16 носят, несомненно, политический характер (причем 7 из них — аристократические и 9 — патриотические), а 6 по-прежнему придерживаются литературного направления и отводят много места легкой поэзии.

19 сентября 1791 г. Якобинский клуб установил премию в 25 луидоров за лучший патриотический альманах в целях «просвещения сельского населения». 22-го специальный циркуляр уточнил «намерения, которыми руководствуется Общество друзей конституции»¹¹. Вряд ли есть смысл подробно рассматривать здесь этот документ. Он лишний раз подчеркивает, какое значение придавали патриоты альманахам как орудию пропаганды. «Было предложено очистить те каналы, которые правительство использовало для развращения народа и введения его в заблуждение, и заставить служить интересам наших братьев: 1. хронику текущих событий; 2. альманахи; 3. песни; 4. танцы; 5. спектакли».

Об альманахах там говорится, что «они являются учебником для сельских жителей и составляют всю их библиотеку; предназначенный для них альманах должен содержать лунный календарь, сведения о затмениях, о наиболее подходящих периодах для обработки земли и возделывания виноградников, о предосторожностях, которые следует принимать для сохранения здоровья в разное время года, и всякого рода иные полезные сведения. За этой необходимой составной частью альманаха должна идти часть назидательная и общеобразовательная. Было бы весьма уместным каждый год обсуждать на заседании этого общества, чему будут на этот раз посвящены такие регулярные просвещающие разделы. На 1792 г. можно предложить следующее: 1. историю нашей революции; 2. изменения в положении каждого француза; 3. представление о нем самом, о его правах, обязанностях и надеждах; 4. забота о его вооружении, о совместной защите; 5. его братство с регулярными войсками; 6. его братство со Спартой, Римом и со всеми свободными народами, а также со всеми народами, которые пожелают стать свободными». Это как нельзя более точное определение патриотического альманаха, являвшегося одновременно и частью традиционного жанра, и брошюрой, содержащей революционную пропаганду.

Из 42 представленных на конкурс альманахов премию якобинцев получил «Альманах отца Жерара» Кюлло д'Эрбуа. Представленный 18 декабря 1791 г. Законодательному собранию¹² в двух изданиях, одно за 6 су, а другое за 12, он положил начало новому способу распространения знаний: уже не в форме катехизиса, т. е. вопросов и ответов, а в виде беседы. Речь шла о том, чтобы объяснить сельским жителям,

¹¹ В. Н. V. P., 676 (73); *Aulard A. La société des Jacobins*, III, 141, 222.

¹² *Moniteur*, X, 415, 661.

что такое нация, закон, собственность... «Альманах отца Жерара» является своего рода курсом патриотического воспитания относительно прав и обязанностей гражданина в рамках цензовой избирательной системы, которую он старается оправдать, и конституции 1791 г., которую он хвалит. (Год спустя, 21 сентября 1792 г., Колло д'Эрбуа выступит с предложением уничтожить монархию.)

Этот альманах сразу же вызвал многочисленные подражания, самое известное из которых — «Альманах аббата Мори, или Опровержение альманаха отца Жерара». Используя ту же форму и тот же метод, т. е. метод беседы, аббат Мори критикует аргументацию Колло д'Эрбуа буквально фраза за фразой. Но тон здесь совсем иной, добродушие и отеческая ласковость отца Жерара сменяются строгостью и ученой суровостью аббата.

Начиная с этих двух альманахов, происходит взаимопроникновение литературной формы и политического содержания, причем до такой степени, что становится трудно отличить политический альманах от литературного. В самом деле, «Альманах отца Жерара» представляет собой как бы пьесу из двенадцати актов, разделенных антрактами, посвященными повседневным трудам и заботам. Автор исполняет здесь обязанности режиссера, он размещает декорации к каждому акту, представляет собеседников, уточняет жесты каждого из них и руководит ходом всей беседы.

Преобладание политических альманахов сохраняется и в 1793 г.: их было 18 против 10 литературных. Хотя республиканские альманахи уже берут верх над конституционными, хотя наиболее многочисленными были жирондистские альманахи, все же два альманаха сохраняли еще аристократическую направленность: «Портфель эмигранта» и «Альманах порядочных людей» Монжуа, выдержавший в 1793 г. восемь изданий. Основная тенденция республиканских альманахов — просвещение. Так, «Альманах республиканцев» Сильвена Марешаля является своего рода курсом истории и намерен дать перечень «мучеников свободы». Что до «Альманаха Республики», то он стремится «быть полезным своим согражданам: пусть мысли, которые сеет этот слабый труд, найдут своих сторонников!».

Парижские альманахи II года Республики составились в конце 1793 г., после того как 5 октября был принят республиканский календарь, который они должны были распространять и пропагандировать. Свобода печати более не существовала: в силу закона от 17 сентября 1793 г. «те, кто в своих сочинениях проявил себя сторонником тирании, федерализма и врагом свободы», объявлялись «подозрительными». Политика одержала верх, жанр радикализировался: на 16 политических альманахов с монтаньярской или якобинской направленностью приходится всего два литературных альманаха.

Ко времени 9 термидора II года и падения Революционного правительства альманахи на III год Республики, за редким исключением, были уже в типографии; таким образом, они не могли отразить наступившую реакцию. Поэтому в них проявились те же тенденции, что и в альманахах на II год, и таким же было соотношение: из 27 рассмотренных нами альманахов традиционных было только 2, один — чисто литературный, «Альманах Муз». Среди политических тем преобладают темы, носящие просветительский характер: примером может служить «Исторический альманах, или Перечень всех выдающихся событий», составленный Руи, активным деятелем секционного движения.

Термидорианская реакция сокрушила революционный пыл, и политическая струя сильно ослабела. Из четырех известных нам альманахов на IV год Республики два являются откровенно роялистскими, а один — «Путеводитель республиканца, или Республиканец, обращенный в новую веру» — выдержан в духе идей, свойственных термидорианской верхушке. При Директории традиционная форма альманаха быстро возродилась и утвердилась как единственная.

Такова была эволюция этого жанра между 1789 и 1795 гг.

Теперь следует рассмотреть вопрос о том, кто составлял альманахи. Что касается изученных нами альманахов, две трети их авторов известны. Во все периоды революции, при цензовой или демократической избирательной системе, при жирондистах или якобинцах, это были люди интеллектуальных профессий: литераторы, публицисты. Даже если жанр стремился стать народным, авторы к народу не принадлежали.

Итак, это были литераторы, но литераторы второго плана. Вот что говорит по этому поводу Дюзольеуа в своих «Новогодних подарках всем и каждому» на 1789 г.: «Несмотря на льстивые уверения графа Ривароля, мы прекрасно знаем, что не принадлежим к числу людей выдающихся. Но мы честные и добрые люди, и мы никому не делаем зла; мы шутим, мы поем, мы плачем, иногда мы слегка поучаем, и все это без особых претензий».

Таким и был альманах: скромный жанр, лишенный претензий. Но для начинающего писателя он все же был средством выдвинуться. Сильвен Марешаль в 1788 г. произвел сенсацию своим «Альманахом честных людей» — календарем, которому он придал сугубо светский характер и который был осужден парламентом.

Если за период, прошедший от последних лет старого порядка и до цензитарной республики Учредительного собрания, мы встречаем тех же самых авторов, то между 1792 г. и II годом Республики можно отметить некоторую демократизацию: это относится к Сен-Валье, автору «Республиканского альманаха» на 1793 г.; к Эзопу Деложу, воспитаннику сиротского приюта в Бисетре, автору «Альманаха Разума» на II год Республики, и в еще большей степени к Шарлю-Этьенну Руи, активисту парижской секции Ломбар. До революции Руи, которому во II году Республики было 25 лет, занимался «благородной профессией мошенника и шулера, а кроме того, отважно предсказывал удачу простакам, которые были достаточно глупы, чтобы его слушать». Он называл себя также «математиком и автором различных патриотических сочинений, одобренных Национальным Конвентом». Руи действительно опубликовал в 1793 г. альманах, озаглавленный «Республиканский чародей»; на III год Республики он составил «Исторический альманах», переизданный в том же году под названием «Исторический и революционный катехизис».

Руи, несомненно, был санкюлотом и даже получал пресловутые «40 су»¹³. Тем не менее в целом авторы альманахов на 1793 г. и II год Республики принадлежали к культурной и образованной элите; если политически этот жанр радикализировался, он все же оставался как бы вне народа. Следовательно, можно сказать, что сознательно адресованные тем кругам общества, которые являлись народом в собственном смысле слова, альманахи за все время революции никогда не представляли собой литературного жанра, народного по своему происхождению. Увеличение числа альманахов свидетельствует о том, с какой серьезностью относились люди, стоящие у власти, к беднейшим социальным слоям, как они стремились распространить среди них свое влияние. Таким образом, эти альманахи отражают не столько психологию народа, сколько то представление о народе и роли по отношению к нему, которое было у их авторов. Это представление зависело от того, через какие «социальные очки» смотрел автор. Отсюда — различия и противоречия между альманахами: в конечном счете они говорят нам гораздо больше о своих авторах и тех социальных кругах, к каким они принадлежат,

¹³ См.: Archives nationales (далее — A. N.), F² 4775³, досье Руи. Будучи членом революционного комитета секции Ломбар, Руи включил себя в список лиц, получающих вознаграждение в 40 су за участие в заседаниях секции. Иными словами, он принадлежал к самым бедным людям своей секции, входя в ее «наиболее народные» слои. Арестованный как секционный активист 22 прериала II года, он был освобожден после 9 термидора и снова арестован в III году во время репрессий против террористов.

чем о народе, о котором они, за редким исключением, имели лишь абстрактное и сугубо книжное представление.

Таким образом, если рассматривать все альманахи в совокупности, их функция представляется одновременно и одинаковой — в том, что касается функций обязательно включаемого в них календаря, и разнообразной — в том, что касается взглядов и намерений их авторов. Причем сами эти взгляды и намерения, разумеется, тесно связаны со всем ходом революции, который предопределил эволюцию этого жанра от легкомысленного альманаха 1789 г. к дидактическому альманаху 1793 г.: при старом порядке задачей было развлекать, при Революционном правительстве — просвещать.

Итак, альманах был жанром *ad usum populi*. А значит, следует установить еще и то, какие идеи стремились авторы распространить в народной среде и что народ мог из этого усвоить. Нам кажется, что для ответа на этот двойной вопрос полезно изучить проблему распространения с помощью альманахов идей Руссо: поскольку произведения Руссо, и в частности «Общественный договор», дают много возможностей для разнообразного прочтения, можно ли рассматривать руссоизм альманахов как упрощенный и приспособленный к народному уровню вариант руссоизма авторов? Следует также установить, в какой мере люди из народа могли ознакомиться с этим, предназначенным специально для них, руссоизмом.

II

Мы не собираемся рассматривать здесь обширную проблему влияния Руссо на деятелей революции. Напомним только еще раз, что те различные прочтения и истолкования, которым подвергались его произведения, не являлись всего лишь произвольными или тенденциозными, а основаны на самом тексте Руссо. Безусловно, Руссо, этот «писатель из ремесленного сословия», был единственным прославленным литератором XVIII столетия, который остался верен своему плебейскому происхождению. Но все же ни он сам, ни тем более его труды не могут быть полностью вписаны в рамки определенной социальной категории. Жан-Жак отнюдь не был однозначен. «Если вместе с теми авторами, которых можно назвать буржуазными, он был антифеодален,— отмечает Р. Барни,— то он был также и резко антибуржуазен, и... зачастую оказывался на позициях, близких к позициям феодальных мыслителей, не стремясь к такому сближению, но и не боясь его»¹⁴.

Если идеи Руссо имели самый глубокий отзвук, с одной стороны, среди мелкой и средней буржуазии, о чем свидетельствует пример мадам Ролан или Робеспьера, а с другой — среди небогатого провинциального дворянства, примером чего может служить граф д'Антрег (с этой точки зрения показательно, что среди корреспондентов Руссо было немало офицеров), то это происходило потому, что и те, и другие с готовностью находили у него отражение своих собственных настроений. Средней руки дворянство, чей жизненный уровень часто был весьма скромным, которое находилось в стороне от экономического развития и, следовательно, должно было ненавидеть деньги и обличать богатство как «скандальное явление», не могло не присоединиться к отрицанию того общества, которое оно считало виновным в своем упадке. Но все же

¹⁴ См. неопубликованную докторскую диссертацию Р. Барни, защищенную в Парижском университете 1 25 июня 1977 г.: *Barny R. Jean-Jacques Rousseau dans la Révolution française (1787—1794). Contribution à l'analyse de l'idéologie révolutionnaire bourgeoise* (краткое содержание этой работы опубликовано в: ANRF, 1978, p. 117). Непосредственно по теме, которой посвящена данная статья, см. дипломную работу Г. Гобель, защищенную в Институте истории французской революции (Сорбонна) в 1976 г.: *Gobel G. Rousseau et le rousseauisme dans les almanachs de la Révolution française, 1789—1795*.

именно среди средних слоев ремесленников и торговцев сложился идеализированный образ Руссо, их философа, их апостола. Простые семейные радости, счастье, основанное на добродетели, достоинства скромной жизни — все эти принципы руссоистской идеологии отражали их собственное существование.

Что до правящих кругов, аристократии, дворянства мантши, верхушки финансовой и торговой буржуазии, то Руссо часто был для них объектом любопытства, вызванного его обличениями сильных мира сего (тем более что он всегда избегал полного разрыва с теми, в чьей среде находил поддержку и покровительство). Но поскольку в его произведениях «самые странные парадоксы соседствовали с самыми возвышенными истинами» и руссоизм так же хорошо подходил для защиты общественного строя, как и для нападков на него, у аристократии оставалась возможность исправить Руссо на свой лад. Все позволяет думать, что революционный руссоизм сразу же вызвал отпор со стороны руссоизма аристократического: «Альманах отца Жерара» породил «Альманах аббата Мори», недвусмысленно напоминающий нам о том, что на Руссо ссылаются со всех сторон.

Таким образом, существовали разные формы верности Руссо. Аристократы, возражая своим противникам, охотно ссылались на те тексты, которые были близки им по своей направленности. Патриоты, по-видимому, были верны скорее духу, чем букве произведений Руссо, они отдавали предпочтение теории демократии и теме равенства. Для нового поколения, поколения 80-х годов, неэффективность программы реформ и неудача, постигшая министров-реформаторов, не могли не сделать еще более привлекательными радикальную и утопическую стороны философии Руссо.

Учитывая все это, следует сказать, что для правильного ответа на вопрос, какое место занимали руссоистские идеи в альманахах (как, впрочем, и в любом другом издании), необходимо перешагнуть за рамки чисто позитивного метода, т. е. простого подсчета прямых упоминаний о Руссо или ссылок на него. Необходимо также перешагнуть за рамки чисто документального изучения каталогов и описей библиотек — метода, который привел Даниеля Морне к отрицанию какого бы то ни было влияния Руссо, и прежде всего «Общественного договора», по крайней мере до 1794 г.¹⁵

Нельзя не сказать о трудностях подобного исследования, прежде всего в силу сложности самого подхода к проблеме. Что такое руссоизм? Где он начинается и где кончается? Женеви́ева Боллем, изучая альманахи XVII и XVIII вв., с полным основанием говорила о «руссоизме до Руссо». После смерти Руссо судьба его наследия уже не зависела от автора, и в те времена распространился своего рода туманный руссоизм, в большей или меньшей степени растворившийся в том, что стало широко распространенной идеологией. Но если слишком расширять понятие «руссоизм» и вместе с ним границы исследования, рискуешь потерять из виду ясную цель и уже не столько изучать влияние Руссо, сколько попросту создавать очерк социальной психологии.

По зрелом размышлении представляется, что влияние Руссо во время

¹⁵ Напомним, что в начале века Э. Шампион в своей работе (*Champion E. La Révolution française et Jean-Jacques Rousseau. Paris, 1909*) отрицал всякое влияние Руссо на революцию. «Я докажу, что Руссо плохо понимают и что ему приписывают влияние, которого он не имел. Я развею кровавый ореол, который окружает этого миролюбивого человека». В своей знаменитой статье о частных библиотеках во второй половине XVIII в. Даниель Морне с помощью сугубо документальных методов исследования впервые пришел к выводу, что «Общественный договор» не был известен до 1789 г. и, следовательно, не мог играть той роли, какую ему приписывают. Влияние руссоизма Морне относил к 1794 г. См.: *Mornet D. Les origines intellectuelles de la Révolution française. Paris, 1933*. К таким же выводам приходит Дж. Макдональд. См.: *Mac Donald J. Rousseau and the French Revolution 1762–1791. London, 1965*.

французской революции шло главным образом в двух направлениях, которые и следует изучать.

Прежде всего это социальное звучание идей Руссо. С этой точки зрения существует несомненная связь между руссоизмом, с одной стороны, и якобинизмом, более того, санкюлотизмом — с другой. Она объясняется тождественностью социальной среды и общностью чаяний и мироощущения. Именно в этом смысле можно говорить о руссоизме, возникшем до Руссо и независимо от него. В данном случае речь, несомненно, идет не столько о филиации идей, сколько об их совпадении. Но прямое или косвенное знакомство с произведениями Руссо не могло не способствовать осознанию этих чаяний и позволяло их более четко сформулировать: свидетельство тому — многие секционные петиции 1793 г. и II года Республики.

И здесь выходит на первый план вторая линия — политическое истолкование идей Руссо. В ходе полемического использования его творчества утверждается практическая связь между мыслью и действием. Идеи Руссо преломляются сквозь призму социальной действительности и политических конфликтов. Судьба его произведений, использовавшихся всеми — от аристократов типа д'Антрега до представителей революционной буржуазии всех оттенков — и даже „бешеными“, а затем и Бабефом, была весьма своеобразной. Только тщательное изучение позволит осветить методы полемической аргументации. При этом необходимо уточнить идеологический и политический контексты, в которых использовалось данное произведение, а также и способы его использования.

Итак, влияние какого-либо автора может быть рассмотрено на двух уровнях: уровне непосредственного знакомства с самим произведением и уровне общественного распространения его идей. Именно на этом втором уровне определяются практические условия подхода к произведению и самого его чтения, возникает исторический горизонт его интерпретации. Интересы и мотивы, побуждающие обратиться к чтению данного произведения, в значительной мере предопределяют то, что читатель оттуда выносит. Таким образом, в исследованиях подобного типа необходимо точно представлять себе, какого рода упоминания данного произведения или данного автора встречаются в тексте: простые ли это отголоски его идей или недвусмысленные ссылки на него? А в последнем случае — прямые ли это отсылки к определенному произведению или всего лишь упоминания об авторе? Иными словами, явный это руссоизм или косвенный?

Если говорить об отзвуках руссоистских идей, при которых имя Руссо не упоминалось, то в текстах революционной эпохи, в том числе в документах секций, они встречаются в изобилии и дают представление об общем идеологическом фоне того времени. Частые и резкие нападки на роскошь, идеализация простой и воздержанной жизни порождены определенной системой взглядов, определенным жизненным уровнем, но в то же время они подкрепляются и усиливаются руссоистскими реминисценциями. 5 июня 1793 г. неизвестная парижская секция обратилась к Конвенту с адресом, в котором говорилось: «На место этого рокового великолепия, ниспровергающего равенство, на место... этой жажды золота и богатств, которая развращает и унижает часть граждан нашей Республики, мы поставим простоту и честную умеренность сельского жилища, где обитают воздержанность, скромность и добродетель»¹⁶. Эти последние слова невольно приводят на память тираду Фабриция из «Рассуждения о науках и искусствах».

Если говорить о ссылках на Руссо, то косвенные ссылки свидетельствуют о знакомстве с его трудами, но знакомстве отвлеченном, находящемся на уровне общих представлений. Немало петиций от парижских секций в 1793 г. и II году Республики содержали недвусмысленные

ссылки на Руссо, но без конкретных указаний текста. Весной 1793 г. некто Тоби представил своей секции — секции Федератов — «Опыт о средствах улучшения участи неимущего класса общества». Он упоминает «жениевского философа», согласно которому общественный договор выгоден людям «лишь тогда, когда все они чем-то обладают, но никто не имеет избытка»¹⁷.

Что касается прямых и точных ссылок на тексты, которые, по мнению приверженцев позитивного метода, одни только и можно считать доказательством влияния Руссо, они свойственны лишь культурным и образованным людям. Считаться только с ними — значит требовать точного знания текста, т. е. ограничиться рамками интеллектуальной верхушки, не получая правильного представления о масштабах социального воздействия данного произведения. Кстати сказать, те документы, в которых ссылки на Руссо подкреплены цитатами, далеко не всегда являются наиболее руссоистскими по духу.

Следуя этим методологическим указаниям, что можем мы сказать о руссоизме альманахов?

Количественный анализ прямых ссылок на Руссо может иметь лишь чисто описательное значение. Такого рода явный руссоизм достигает пика в альманахах на 1789 г. (около трети от их общего числа), а затем еще раз в альманахах на 1792 г. (более трети). Он все еще проявляется в альманахах на III год Республики (более четверти): они составлялись в конце II года, когда Руссо был объектом подлинного культа, вершиной которого стал перенос его праха в Пантеон 20 вандемьера III года (11 октября 1794 г.). Однако кривая таких явных ссылок на Руссо не совпадает с кривой, свидетельствующей о росте влияния руссоизма вообще. Эта последняя имеет явную тенденцию к повышению в документах лета и осени 1793 г., тогда как точные ссылки на произведения Руссо или на их автора в альманахах, составляемых в это самое время на II год Республики, становятся менее многочисленными: культура образованных людей уступает здесь место народной культуре.

Что до руссоизма неявного, того распыленного руссоизма, который вошел в коллективное сознание, то линия его развития отличается значительно меньшими перепадами, чем у явного руссоизма. На всем протяжении революции он удерживается приблизительно на том же уровне, проявляясь примерно в четверти альманахов каждый год.

Наконец, следует сказать об альманахах, руссоистских в самом полном смысле слова: тех, в которых явный руссоизм сочетается с неявным, которые не только несут на себе несомненный отпечаток идей Руссо, но и дают точные ссылки на те или иные его произведения. Таких альманахов меньшинство — около двух десятков из 175 известных нам альманахов, вышедших с 1789 по 1795 г.

Вообще говоря, критическая роль идей Руссо, по-видимому, преобладала над их позитивным вкладом в создание нового общества. Сначала, как это хорошо показал Р. Барни, они послужили дворянству в качестве антидеспотической идеологии, почему они и оказались как бы неотъемлемой идеологической частью бунта аристократии в 1787—1788 гг. В 1789 г. руссоизм дал теоретическую базу той критике, с которой выступила партия патриотов, о чем, со своей стороны, свидетельствуют альманахи, составленные на 1790 г. Подъем массового движения весной и летом 1792 г., уничтожение монархии в результате народного восстания изменили ту социальную и политическую обстановку, в которой звучали теоретические высказывания, и повлекли за собой новую ориентацию в области идеологии вообще. На «Общественный договор» и на все, что в произведениях Руссо подготавливает или развивает «Обществен-

¹⁷ В. Н., Лб⁴⁰ 2056. Франсуа Тоби был впоследствии уполномоченным исполнительной Директории при парижском муниципалитете: это показывает, к каким социальным кругам он принадлежал.

ный договор», по-прежнему продолжают ссылаться. Но некоторые темы теперь особо выделяются. Таковы, например, темы «деспотической власти общей воли» или «гражданской религии» в ущерб «либеральным» темам. Значительно больший интерес вызывают «Рассуждения» — «Рассуждение о науках и искусствах», а в особенности «Рассуждение о происхождении неравенства». Верность идеям Руссо или влияние руссоизма приобретает теперь другой характер.

Руссоизм жирондистов — это руссоизм альманахов на 1793 г. Они составлялись поздним летом 1792 г., уже после свержения монархии, в условиях, когда усиливался народный натиск и развивался конфликт сначала между Жирондой и Парижской коммуной, а затем между Жирондой и Горой. Темы этих альманахов — защита собственности (имущественное равенство — это «химера»), критика прямой демократии, восхваление демократии представительной... Таким образом, Руссо, по крайней мере определенным образом представленный Руссо, призван был укрепить позиции жирондистов.

«Альманах французской республики» на 1793 г.¹⁸ составлен в виде диалога между монархистом и республиканцем и заканчивается политическим «обращением» первого вторым, причем в опровержении множества доводов в пользу монархии большую поддержку оказывают взгляды Руссо. Аргументация основывается на главах III и IV первой книги «Общественного договора», в которых речь идет о праве сильного и о рабстве; дело доходит иногда почти до прямого пересказа. Косвенные же ссылки на Руссо встречаются в связи с обсуждением не только общих проблем, но и текущих политических событий, таких, например, как процесс короля.

«Патриотический альманах»¹⁹, составленный «гражданином Донфронтом», содержит «календарь с добавлением новых святых и краткое изложение причин, породивших недавнюю революцию», т. е. революцию 10 августа. Он прямо ссылается на произведения Руссо. Так, по поводу суда над королем он пишет: «Ной, говорит Жан-Жак Руссо, был отцом трех великих монархов, разделивших между собой весь мир» (с. 31). Действительно Руссо писал во II главе первой книги «Общественного договора»: «Я ничего не сказал ни о короле Адаме, ни об императоре Ное, отце трех великих монархов, разделивших между собою весь мир...». При обсуждении вопроса о религии (причем в антиклерикальном духе) делается еще одна прямая ссылка на Руссо, на главу «О гражданской религии». Приведя оттуда длинную цитату (или пересказ), автор заявляет: «Из этого рассуждения Жан-Жака Руссо можно сделать единственный вывод — чрезмерная публичность столь же мало совместима со свободой, как и сами пороки. Здесь мысль Руссо заострена против «религии священников». («Впрочем, мы сейчас оправдаем Евангелие, которое отнюдь не совпадает с религией священников»). Наконец прямая ссылка на Руссо дается по поводу проблем образования. Что касается эгалитаризма, проявившегося в августе и сентябре 1792 г. (проект Декларации прав, составленный Моморо, датирован сентябрем), то он критикуется как в плане политическом, так и в плане моральном: хотя автор не делает прямых ссылок на Руссо, речь, несомненно, идет об усвоенной из вторых рук руссоистской идее (имущественное равенство — это «химера»).

Еще более показателен с точки зрения жирондистских тенденций «Календарь наших дней, или Альманах санкюлотов» на 1793 г., состав-

¹⁸ Almanach de la République... dédié aux hommes libres... 1793 (B. N., 8° Lc²² 578).

¹⁹ Almanach patriotique contenant un calendrier orné de nouveaux saints, un précis des causes qui ont amené la dernière révolution, un abrégé de l'histoire des six premiers mois de la guerre de la liberté... par un citoyen de Domfront (B. N., 8° Lc²² 370).

ленный Франсуа-Валентеном Мюло²⁰. Это издание, подобно «Альманаху отца Жерара», составлено в виде бесед. В первой из них говорится, что санкюлоты узнают по его «добродетельной бедности» и «доброму намерению никогда не покушаться на собственность»; в другой — народ изображается как «бедная, но добродетельная часть нации», которую не следует смешивать с чернью, «этими сомнительными людьми, у которых нет ни оседлости, ни семьи, ни дома, ни занятия» (с. 81). Мюло явно пишет под свежим впечатлением от сентябрьских убийств и «великого страха» имущих слоев общества. Третья беседа касается тем равенства и собственности: имущественное неравенство лежит в природе вещей; даже если бы удалось установить равенство имуществ, «сама сила вещей» постоянно вела бы к его разрушению; за этим следует критика «раздела земель» (с. 44). Мюло излагает здесь второе «Рассуждение» Руссо, с теми же противоречиями и теми же тупиками мысли. Столь же явно проявляются жирондистские тенденции при обсуждении проблемы суверенитета. Разумеется, народного суверенитета. «Я ограничусь тем, что покажу вам, каким образом вы участвуете в этом суверенитете, что из этого для вас проистекает и где вы должны остановиться». Мюло высказывается за представительную демократию и против демократии прямой.

В этих снисходительных увещаниях ясно видны все противоречия той руссоистской «библии для народа», с которыми теперь столкнулись жирондисты. После 10 августа, свержения монархии и народного натиска лета 1792 г., жирондисты отдали себе отчет в том, что их собственные принципы (свобода, равенство, народный суверенитет) выходят за рамки их непосредственного идеала либеральной демократии. Достаточно вспомнить тревожный возглас Бриссо в его «Призыве ко всем республиканцам Франции»: «Те, кто хочет все уравнять — имущество, благосостояние, цены на продукты питания, различные услуги, оказываемые обществу, не кто иные, как дезорганизаторы». Таким образом, жирондисты старались ограничить те логические последствия, к которым приводили их собственные политические принципы: одобрение законов народом, контроль за депутатами и право их отзыва, право на восстание. Речь шла о том, чтобы сдержать, а затем поставить под контроль народное движение, сохранить преобладающее положение имущих слоев. Политическая практика жирондистов иллюстрирует противоречия самого «Общественного договора». Путем к освобождению от них, к примирению народа с республикой собственников, они считали *просвещение*, которое приведет к моральной революции, способной укрепить республиканский строй. Более трех четвертей жирондистских альманахов на 1793 г. особо выделяют проблему просвещения.

Руссоизм монтаньяров — это тот руссоизм, который мы встречаем в альманахах на II год Республики, составленных осенью 1793 г., после принятия республиканского календаря, а также в альманахах на III год, составленных до 9 термидора и падения Революционного правительства. Этот руссоизм прошел суровое испытание требованиями политической и социальной практики якобинцев и робеспьеристов.

В «Календаре свободного народа»²¹ на II год Республики, выпущенном «обществом филантропов», высказывается намерение «очистить календари от римских суеверий, посвятив их вместо этого подлинным ге-

²⁰ Etrennes du moment ou Almanach des sans-culottes. 1793 (B. N., 8° Lc²² 49). Мюло (1749—1804) — библиотекарь, приор конгрегации Сен-Виктор, член временной Коммуны Парижа в 1789 г., вице-председатель муниципального корпуса в 1790 г., комиссар-посредник в Авиньоне в 1791 г., член Законодательного собрания, комиссар Директории и, наконец, преподаватель изящной словесности в Майнсе. «Альманах санкюлотов» аббата Мюло упоминается у Е. Coeyssque. См.: Bulletin de la Société de l'histoire de Paris et de l'Île-de-France, 1904, t. XXXI, p. 115.

²¹ Calendrier du peuple franc, pour servir à l'instruction publique, rédigé par une société de philanthropes, pour l'an II de la République (B. N., Res. Z Payen 1113).

роям свободы и человечества». Руссоистское происхождение и руссоистская окраска идей, содержащихся в этом календаре, несомненны. Дело доходит до почти прямого пересказа главы «О гражданской религии». «Мы хотели бы, чтобы национальные праздники повсюду отмечались с тем величием, которое не только не исключает простоты, но скорее ее предполагает; чтобы суровая и величественная музыка, какую подобает слышать свободному народу в дни своих празднеств, смешиваясь с возгласами граждан, увеличивала торжественность церемонии и силу ее воздействия. Какое впечатление способно произвести все это на душу нашего чувствительного народа...» Известно, какое сильное впечатление на душу народа произвел праздник Единства и Неделимости Республики 10 августа 1793 г. Так руссоизм в новых условиях становился средством достижения политического единения путем организации общественной жизни, и в первую очередь народного образования. Такой руссоизм является более цельным и более подлинным, ибо в нем наличествует стремление к интеграции нравственного и религиозного чувства в политическую систему.

В «Священном писании республиканца» на II год Республики²² упоминания о Руссо встречаются постоянно. «Апостольское послание» на первую декаду января составлено в виде «Письма старика»: «На моей памяти родился Жан-Жак Руссо, и вместе с ним — дух свободы. Жан-Жак был ее первым апостолом... На моей памяти Жан-Жак и умер, но его революционные творения сделали его бессмертным». В «Послании» на III декаду брюмера воспроизводится начало первой главы IV книги «Общественного договора», а «Послание» на первую декаду флореалья также вдохновляется руссоистскими идеями, хотя и без ссылки на источник, — речь идет о рассуждении по поводу «взглядов патриота на театр». «Театр должен быть школой нравов... О свобода! Нравы, так же как науки и искусства, твои дары». Здесь господствует скорее энтузиазм, чем подлинное знакомство с использованными произведениями с целью их конкретного применения в общественной практике. Эти «Послания» оставляют впечатление довольно случайного и обрывочного руссоизма, плохо переваренного и не слишком хорошо усвоенного.

«Альманах Аристиды или добродетельного республиканца» на III год Республики²³ (составленный, таким образом, до 9 термидора), подобно «Альманаху отца Жерара», состоит как бы из ряда бесед, которые ведет «деревенский житель, добрый патриот, превосходный республиканец, небогатый, но честный и добродетельный», отец 12 детей, «которых он воспитал в глубочайшей порядочности». Тема первой беседы — «Бог, человек и бессмертие души». Это комментарий к декрету от 18 флореалья II года о культе Верховного существа; но хотя все рассуждения имеют руссоистскую окраску, ни Руссо, ни Робеспьер не упоминаются. Вторая беседа, на тему «Законы и правительство», представляет собой местами приближающийся к цитированию пересказ «Общественного договора», но не без некоторого приспособления к социальным и политическим требованиям момента: собственность превращается в проявление естественного закона, в то время как для Руссо она была лишь одной из причин объединения людей в общество и, следовательно, относилась к сфере общественного права. В четвертой беседе, посвященной необходимости

²² *Epîtres et Evangiles du républicain pour toutes les décades de l'année à l'usage des jeunes sans-culottes...* An II (B. N., 8° Lb⁴¹ 842). Автор, Ж. М. Анрикес (L. M. Henriques, около 1765 — около 1815), бывший преподаватель коллежа в Блуа, во время Революции литератор. Его перу принадлежат также: *Pensées républicaines pour chaque jour du mois...* (B. N., 8° Lb⁴¹ 4054); *Principes de civilité républicaine, dédiés à l'enfance et à la jeunesse* (B. N., R 38384).

²³ *Almanach d'Aristide ou du vertueux républicain*, an III (B. N., 8° Lc²² 55). Составил его некто Бюлар из секции Брута, о котором у нас нет никаких биографических сведений. Он был также автором «Альманаха Жан-Жака Руссо или дружных семей» на 1793 г. (которого нет в Национальной библиотеке), «Катехизиса республиканской морали» и «Элементарных наставлений по поводу морали» (обе эти брошюры хранятся в Национальной библиотеке под шифрами R. 30190 и R. 21434).

повиноваться законам, автор отвергает прямую демократию и одобрение законов народом (осужденные весной 1794 г. практикой Революционного правительства) и, воздав хвалу Конституции, высказывается за представительную демократию и развитие политической активности по сложным конституционным каналам. Содержащиеся в той же беседе рассуждения о праве каждого члена общества на существование по аргументации несколько напоминают речь Робеспьера от 2 декабря 1792 г. Эта четвертая беседа свидетельствует не столько о распространении руссоизма, сколько о влиянии робеспьеризма, оказавшегося промежуточным звеном между творчеством Руссо и его истолкованием автором альманаха. Беседы о супружеской любви, отцовской привязанности, материнской нежности говорят о влиянии «Новой Элоизы» и «Эмиля»; автор выступает за то, чтобы мать сама выкармливала ребенка грудью. Его идеал — патриархальная семья, не богатая и не бедная, обеспечивающая себя всем необходимым, в которой обслуживающий персонал является как бы ее «естественной составной частью». Все это отзвуки кларанской утопии²⁴.

Таким образом, руссоизм монтаньяров или якобинцев, руссоизм II года Республики, представляется наиболее полнокровным, уходящим корнями во все аспекты творчества Руссо, не только те, которые связаны с политикой, но также касающиеся проблем морали и религии. Такой руссоизм уже не ограничивается абстрактными рассуждениями или простой теоретической аргументацией: он прошел испытание общественной практикой, он способствовал размышлениям об устройстве нового общества. Но все же педагогические устремления преобладают в нем над стремлением к политической действительности. С помощью руссоизма и благодаря ему альманах становится средством нравственного и гражданского воспитания²⁵. В политическом плане — в особенности это относится к альманахам, составленным во II году Республики, — мысль Руссо преломлялась сквозь призму робеспьеризма, ее пытались использовать для ответа на политические требования данного момента.

На определенном этапе революции руссоизм показал себя неспособным дать теоретическое обоснование происходящему, ибо оказался лишенным связи с действительностью. Можно ли найти в «Общественном договоре» цитаты в поддержку Революционного правительства и якобинской диктатуры общественного спасения? Хотя Робеспьер в двух своих больших докладах, сделанных зимой II года, — «О принципах Революционного правительства» (5 пивоза) и «О принципах политической морали, которыми должен руководствоваться Конвент» (17 плювиоза) — восхваляет добродетель вполне в руссоистском духе, политическую ситуацию он в них рассматривает отнюдь не в свете «Общественного договора». И если преемственная связь между гражданской религией «Общественного договора» и декретированным 18 флореаля культом Верховного существа бросается в глаза, то это не делает менее очевидным политическую беспомощность подобной меры. «Революция застыла», — отмечает Сен-Жюст. Руссоизм не мог вооружить Робеспьера глубоким пониманием

²⁴ С этой точки зрения особенно характерен «Республиканский декадник, или Календарь добродетелей, посвященный Республике». Его автор — Дефорж (1746–1816), актер, поэт и драматург. См.: *Desforges. Décadaire républicain ou Calendrier des vertus dédié à la République... 1793* (B. N., 8° Lc²² 53).

²⁵ Здесь следует назвать еще один руссоистский альманах на III год: «Альманах прекраснейших мыслей Руссо» (*Almanach des plus belles pensées de Rousseau*. B. N., 8° Lc²² 369) «с приложением доклада, сделанного от имени Комитета народного просвещения, и описания великолепной церемонии, сопровождавшей перенос его праха в Пантеон, в последний день второй декады вандемьера III года... а также нового календаря с указанием прежних дней недели». Этот альманах открывается «Жизнеописанием этого великого философа». Он состоит не из текстов, заимствованных из произведений Руссо, а из рассуждений по поводу его основных идей: естественного состояния, доброго дикаря, договора, критики роскоши... Это был руссоизм, приспособленный к уровню среднего читателя, все трудные места смягчены.

причин того политического и социального кризиса, который весной II года способствовал распадению единого революционного фронта и подтачивал якобинскую диктатуру общественного спасения.

Последнее превращение руссоизма — это руссоизм термидорианцев. «Альманах благонамеренных людей»²⁶ на IV год Республики (составленный Галаром де Монжуа?) — единственный из альманахов того времени, который ссылается на Руссо, — делал попытку снова начать истолковывать его в роялистском духе. Речь идет о том, чтобы очистить Жан-Жака от обвинений в якобинизме: он неповинен в «преступлениях» якобинцев, которые плохо его читали и еще хуже поняли. В «Диалоге мертвых» между Руссо и Мальзербом Руссо восклицает: «Они меня не поняли!.. Положа руку на сердце, думаете ли вы, что такие люди, как эти робеспьеры, сен-жюсты, эберы, каррье, действительно читали хотя бы «Общественный договор» и размышляли над ним? Уж не в моих ли «Соображениях об образе правления в Польше» нашли они оправдание тех чудовищных поступков, которые они совершили среди вас?..». В приложении были помещены отрывки из произведений Руссо: три отрывка из «Эмиля» о тиете философии, страничка из «Соображений об образе правления в Польше», где говорилось, что закон должен стоять выше людей, чтобы править их сердцами. Что же, каждому — свой Руссо...

III

Чтобы правильно оценить масштабы того влияния, которое руссоизм, проповедывавшийся альманахами, оказывал во время революции, необходимо рассмотреть две чрезвычайно сложные проблемы: распространение альманахов и их проникновение в народную среду.

Проблемой распространения занимался еще Мальзерб в своих «Мемуарах о книжном деле», составленных в 1759 г.²⁷ Право на продажу книг закреплялось только за книжными магазинами, однако существовало два исключения из этого правила: одно в пользу корабельников и мелких торговцев галантереей, другое в пользу разносчиков. Первые могли продавать только альманахи и часословы; вторые, официально существующие лишь в Париже, могли продавать только брошюры размером не более восьми листов, напечатанные в столице. «Что до торговцев книгами, которые ходят по домам и которых обычно тоже называют разносчиками, то их существование объясняется только терпимостью полиции и не разрешено никакими законами». В Париже на такого рода торговлю смотрели сквозь пальцы по необходимости, так как, по свидетельству того же Мальзерба, торговля книгами и брошюрами достигала довольно внушительных размеров, а книжные лавки размещались в одном только Университетском квартале. «Невозможно было помешать тому, чтобы множество лиц, не имеющих на это никакого права, занимались книжной торговлей». В провинции продажа книг вразнос также была значительной. «Повсюду кишат бродячие торговцы, выставляющие книги на ярмарках, рынках, улицах небольших городов. Они торгуют на больших дорогах; они приходят в замки и выставляют там свой товар». Если бы хотели строго придерживаться закона, следовало бы запретить разносчикам продажу книг и брошюр. «Однако это сильно стеснило

²⁶ Almanach des gens de bien, contenant des anecdotes peu connues pour servir à l'histoire des événements de ces derniers temps; l'arrivée de Carrier aux enfers; ...deux dialogues des morts, l'un entre Jean-Jacques Rousseau et Malesherbes, l'autre entre Favras et Bailly; ...des prédictions pour tous les mois de l'année etc., etc. (B. N. 8° Lc²² 34).

²⁷ Lamoignon de Malesherbes. Mémoires sur la librairie et sur la liberté de la presse. [Paris], 1809. См., в частности, его «четвертый мемуар», посвященный способам воспрепятствовать печатанию, продаже и распространению запрещенных книг. Профессия уличного разносчика в Париже была строжайшим образом регламентирована постановлением 1723 г.

бы торговлю; это нанесло бы ущерб литературе и распространению знаний».

В своих «Картинах Парижа» (1781) Себастьян Мерсье живо обрисовал «этих бедных разносчиков, которые пускают в обращение редчайшие плоды таланта, сами не умея читать, и которые, стремясь лишь заработать на кусок хлеба, неведомо для себя служат делу общественной свободы».

Сохранилось и свидетельство аббата Баррюеля, в его «Мемуарах, осведещающих историю якобинизма» (1797), относительно «новых и более глубоких методов, которыми пользовались заговорщики, чтобы совратить даже низшие классы граждан» (т. 1, гл. XVII). Он выступает с обвинением «этих ярмарочных торговцев, которые бродят из села в село, выставляя свои товары в деревнях и у ворот замков. Я подозреваю, что они, в особенности те, которые продают книги, не кто иные, как распространители ложных теорий среди простого народа». Кюре смотрели на «этих торговцев книгами, бродивших по деревням, как на «бич своих приходов, как на людей, которыми так называемые философы пользовались, чтобы повсеместно распространять яд своего неверия». Разумеется, свидетельство аббата Баррюеля, человека, считающего причиной революции заговор, нельзя принимать на веру буквально.

Тем не менее все эти различные свидетельства подтверждают важность роли самих разносчиков и тех сочинений, которые они распространяли. Такого рода «книжки с лотка», которые можно сравнить с современными «книжками из вокзального киоска», сыграли важную роль в формировании народного мироощущения и народной культуры в XVIII в.²⁸

Остановимся теперь на проблеме проникновения альманахов в народную среду: кто их читал? Тут встает и проблема чтения вообще в народных кругах в конце XVIII в.

Согласно литературным источникам, в последние годы старого режима любовь к чтению была широко распространена, охватывая и народные круги. Разумеется, читальни, которым суждено было сыграть такую большую роль в социальной истории литературы, тогда едва только начали появляться. Одну из них открыл книготорговец Гранже в 1762 г., другую — сьер Муро в 1769 г. В «Картинах Парижа» одна из глав посвящена описанию читален, существовавших в 1781 г.²⁹ Но в главе

²⁸ Чтобы определить интеллектуальный и социальный уровень этой «литературы с лотка», надо было бы уточнить, какие именно книги и брошюры распространяли разносчики. Хранящиеся в архивах полиции описи, составившиеся при конфискациях, способны дать будущему исследователю этого вопроса богатый материал. Пока же отметим, что среди этих книг, несомненно, были произведения большой литературы, но в незначительном числе, только для зажиточного и образованного меньшинства. Были также всякого рода церковные книги и народные картинки, на производстве которых специализировались парижские типографы с ул. Сен-Жак. Но были также альманахи и песенники...

Уничтожив цензуру и узаконив торговлю вразнос, революция открыла перед такого рода литературой широкие возможности. Во II году Республики религиозные книги, и в частности жития святых, — один из традиционных жанров этой народной литературы — полностью исчезают с лотка разносчика. Напротив, сочинения о магии и колдовстве продолжают вызывать интерес, если судить по популярности «Толкователей снов» и «Искусства гадания на картах». Конфисковав в ходе обыска товар парижского разносчика Бюи, революционный комитет секции Горы составил опись конфискованных книг (она была составлена в первых числах плювиоза II года Республики, в конце января 1794 г. и хранится в Национальном архиве под шифром F⁷ 4627). Это были «Сочинения» Расина, «Орлеанская девиственница», «Опасные связи», «Том Джонс — найденыш», но наряду с ними «Тайны Матильды», «Как преуспеть в жизни» — книга, принадлежавшая к модному тогда жанру, «Поэма в честь революции», две брошюры на актуальные темы, названия которых не уточняются. Разнообразный характер этих заглавий показывает, что литература, которой торговали разносчики, была рассчитана на различные круги: от образованных представителей средней буржуазии до санкюлотов.

²⁹ Для более позднего периода см. содержательную статью: *Pichois C. Pour une sociologie des faits littéraires. Les cabinets de lecture à Paris durant la première moitié du XIXe siècle.* — *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*, 1959, p. 521.

«Печатное дело» Себастьян Мерсье замечает: «Сегодня повсюду можно видеть, как горничная у себя на антресолях или лакей в передней читают брошюру. Сейчас читают почти во всех классах общества. Тем лучше». Такое же свидетельство дает нам Ретиф де ла Бретон в своем дневнике, озаглавленном «Мои записки»³⁰. В другом месте тот же Ретиф снова свидетельствует: «С некоторых пор рабочие в столице стали очень строптивы, ибо в наших книгах они прочли истину, которую им трудно правильно понять: что рабочий — это весьма ценный человек»³¹. По свидетельству немца Шторха, «в Париже все читают. У каждого в кармане книга, особенно у женщин. Читают в экипаже, на прогулке, в театре во время антрактов, в кафе, в купальнях. В лавках женщины, дети, рабочие, подмастерья читают; по воскресеньям люди, сидящие на пороге своих домов, читают; лакей читают, стоя на запятках, кучера — сидя на козлах, солдаты читают на посту, а полицейские — у себя в участке»³².

Революция, судя по всему, не уничтожила эту ненасытную потребность в чтении. Если верить «Альманаху национальных преобразований» за декабрь 1790 г., «базарная торговка читает, сапожник читает, и нет человека, который, вооружившись брошюрой, не принимал бы участия в революции». Тем не менее условия для чтения изменились, ибо устная пропаганда и публичное чтение вслух умножали аудиторию, тогда как активная политическая деятельность, несомненно, сокращала время, отводимое на индивидуальное чтение.

У секционного активиста почти совершенно не было свободного времени для чтения, ибо весь день он был занят на работе, а вечер проводил в народном обществе или на общем собрании секции. Эбер оставил нам описание того, как такой санкюлот встает на рассвете, трудится весь день до седьмого пота, чтобы прокормить семью, а вечером, заглянув сначала в секцию, возвращается в свое убогое жилище. «Он ужинает с волчьим аппетитом, а поев, развлекает свою семью, читая им о «великом гневе» или «великой радости» отца Дюшена»³³. В самом деле, в протоколах обысков, производившихся у секционных активистов как во II, так и в III году Республики, редко упоминаются книги, брошюры или полные комплекты газет, а в лучшем случае несколько разрозненных экземпляров газеты Марата или Эбера, иногда небольшие патриотические сочинения. Круг чтения большинства этих активистов, по-видимому, не выходил за рамки нескольких злободневных брошюрок. Даже самые образованные среди них, судя по всему, обычно не были непосредственно знакомы с теоретической мыслью века: в лучшем случае это были косвенные сведения, почерпнутые из газет или из речей в Якобинском клубе и Клубе кордельеров, которые зачастую повторялись в народных обществах. Именно таким путем идеи Руссо в конечном счете оказывали влияние на самых активных и сознательных народных борцов II года Республики.

Значительно более эффективно, чем индивидуальное чтение, способствовали распространению руссоизма устная пропаганда и публичные чтения вслух. Это прежде всего относится к периоду от 1790 г., когда появились первые братские общества, целью которых было главным образом просвещение, до осени 1793 г., когда резко возросло число секционных обществ. Многочисленные народные активисты, не умевшие ни читать, ни писать, были тем не менее проникнуты определенными идеями, которые, как бы путем свободной циркуляции, распространя-

³⁰ Mes Inscriptions. Journal intime de Restif de la Bretonne (1780—1787) Publ. par P. Cottin. Paris, 1889. См., к примеру, запись, датированную 7 сентября 1786 г.

³¹ Цит. у: Mornet D. Les origines intellectuelles de la Révolution française. 4e éd. Paris, 1947, p. 426.

³² Цит. у: Roustan M. Les philosophes et la société française au XVIIIe siècle. Paris, 1906.

³³ Le père Duchesnes, N 313, [s. d.] (fin brumaire an II — mi-novembre 1793).

лись от более образованных кругов к низшим социальным слоям. Этим объясняется тот факт, что некоторые руссоистские идеи встречали определенный отклик в народных кругах.

Народные общества, которые на уровне секций как бы заменяли клубы якобинцев и кордельеров, играли здесь важную роль, эффективно способствуя идеологическому воспитанию парижских санкюлотов. Проблемы *просвещения* всегда занимали значительное место в ходе прений. Заседания обычно начинались с чтения патриотических газет, речей, произнесенных в Конвенте или Якобинском клубе, либо с выступлений наиболее образованных активистов на политические или моральные темы. Народное общество секции Республики на каждом из своих заседаний выслушивало чтение «Вечерней газеты» и «Бюллетеня Конвента». 4 вантоза II года (22 февраля 1794 г.) на заседании этой секции читали речь о насаждении деревьев свободы; 17 жерминаля (2 апреля) — уже довольно давно сделанный Робеспьером доклад об основах революционного порядка управления; 22 флореаля (11 мая) — доклад того же Робеспьера о принципах религии и морали...³⁴ И так было во всех народных обществах и на общих собраниях секций.

Воздействие народной прессы увеличивалось таким образом благодаря тому, что по вечерам ее регулярно читали вслух, и она оказывала гораздо большее влияние, чем можно было бы подумать, судя по ее тиражам. Более того, и днем в общественных местах и мастерских рабочие или прохожие собирались вокруг чтецов. Считалось, что Марат еще в 1788 г. читал «Общественный договор» народу Парижа, а Камилл Демулен делал то же весной 1789 г. в Пале-Рояле. «Общественный договор» толковался также в Социальном кружке в 1790—1791 гг. Весной 1793 г. принадлежавший к «бешеным» Варле вел пропаганду на улицах Парижа с передвижной трибуны. Он был не одинок. 15 октября 1793 г. на Пон-о-Шанж двое ораторов, взобравшись на самодельные подмости, читали большим группам собравшихся патриотические издания: один — «Диалог между аббатом Мори, старающимся избежать возмездия законов, и отцом Дюшеном, который его приютил», другой — «Краткий перечень преступлений, совершенных королями»³⁵. Некто Колинбон, называвший себя «общественным чтецом санкюлотов», читал на площадях и в местах общественных увеселений «Республиканский катехизис», составленный им самим³⁶.

В октябре 1793 г. парижская секция Арсенала и Народное общество социальной гармонии предложили, чтобы, «ввиду того что печатной продукции недостаточно для просвещения народа, было организовано *устное распространение сведений* путем создания газеты, предназначенной специально для народа, которую общественный уполномоченный или особый чтец должны читать повсеместно вплоть до каждой деревушки»³⁷. Хотя эта петиция была оставлена без внимания властями, не доверявшими народным ораторам, общественные чтецы продолжали тем не менее выступать на улицах и в мастерских вплоть до III года Республики и прерияльских дней. 1 прерияля (20 мая 1795 г.) в 10 часов утра каменотес Кломениль, взобравшись на возвышение, читал более чем ста своим товарищам по мастерским Пантеона газетный листок, который был сочтен подрывным; он был арестован. В петиции в его защиту его товарищи заявляли, что он был выбран ими «за громкий голос и готовность услужить для ежедневного чтения вслух во время еды газеты „Национальный слушатель“, которую мы оплачиваем сообща,

³⁴ См.: А. N., D III 256⁷, d. 7, p. 1.

³⁵ Journal de la Montagne, 26^e jour du 1er mois, an II (17 octobre 1793).

³⁶ А. N., F⁷ 4651. Имеется в виду, несомненно, Колинбон-Дюмон, впоследствии арестованный. Брошюра, о которой идет речь, хранится в Национальной библиотеке (B. N., 8° Lb⁴¹ 2284 A.).

³⁷ B. N., Mss, N. A. F. 2713, f. 189; Journal de la Montagne, 22^e jour du 1er mois, an II (13 octobre 1793).

чтобы братски просвещать друг друга»³⁸. Такой пример не единичен.

Высказав эти общие соображения, мы должны все же констатировать, что для исчерпывающего ответа на вопрос о методах и масштабах распространения альманахов во время революции не хватает документации. В той мере, в какой они служили календарями, они были, как и обычно, предметом личного пользования. Но в то же время благодаря политической и идеологической эволюции жанра они теперь годились и для публичного чтения. Подчеркнем, однако, что как по своему уровню, так и по цене альманахи были адресованы разным социальным категориям и различной аудитории: литературные альманахи, напечатанные на хорошей бумаге и зачастую имеющие переплеты, могли стоить до 36 су, а альманахи для народа, которые продавались разносчиками, — всего лишь от 6 до 12 су. Дюзолшуга в своих «Новогодних подарках всем и каждому» на 1789 г. подчеркивал это разнообразие жанра в зависимости от аудитории, которой предназначались альманахи: «Я обнаружил, что, с тех пор как науки и искусства достигли той высокой ступени, на которой они сейчас находятся, альманахи стали весьма обычным делом. У каждого сословия свой альманах; свои альманахи у поэтов, у ученых, у моралистов, у врачей, у добродетельных людей и т. п. ...».

Это разнообразие уменьшается по мере радикализации жанра, связанной с ходом революции, когда альманахи стали ставить себе целью «просвещать народ»; под народом, как показывают заголовки, понимались «сельские жители», «добродетельные республиканцы», санкюлоты. К этому времени (1794 г. — II год Республики) успех альманаха, по-видимому, в значительной мере зависел от его представления в Конвент или Якобинский клуб. Новая ориентация возникает с установлением термидорианской реакции и изменением аудитории, вернее говоря, возвращением к аудитории, состоящей из людей с умеренными взглядами. С «Альманахом порядочных людей» 1789 г. перекликается «Альманах благонамеренных людей» на IV год Республики: «Приветствую людей благонамеренных, им предназначаю я это издание... Тигра нет больше, все должно перемениться!». Порядочные люди, благонамеренные люди — под этим следует понимать тех, кто обладал если не богатством, то по крайней мере достатком и определенным уровнем культуры, граждан более образованных, лучше одетых и отдающих себе отчет в этой своей зажиточности и образованности, даже гордящихся ими. Революция завершилась, влияние руссоизма должно было теперь утверждаться в новых социальных и политических условиях³⁹.

* * *

Итак, с помощью альманахов руссоизм проникал в среду народа, но в то же время он изменялся и приспосабливался к событиям и требованиям революционной действительности. Мир ремесленников и лавочников с его многочисленными грациями, от самого полного достатка до самой тяжелой нужды, отразился со всеми своими противоречиями в мысли Руссо. Жан-Жак писал в «Исповеди», что он родился «в семье, которую ее обычаи отличали от народа»: его отец был часовщиком. В точности то же самое можно сказать о «столяре» Дюпле, квартирном хозяине Робеспьера. Живя и работая рядом со своими подмастерьями, владелец небольшой мастерской, обычно сам в недавнем прошлом подмастерье, оказывал на них решающее идеологическое влияние: через него идеи Просвещения проникали в мир труда.

Руссоизм, выступавший здесь в форме народной литературы, в частности альманахов, обладал в слова то, что и те и другие ощущали с большей или меньшей силой: отвращение, которое им внушали оба по-

³⁸ A. N., F⁷ 4649.

³⁹ Roussel J. Rousseau en France après la Révolution. 1795—1830. Paris, 1972.

люса общественной жизни, как роскошь, так и нужда; страстное стремление к единству, столь свойственное и якобинцам и санкюлотам; те порывы единодушия, которыми отмечены все великие моменты революции и которые вдохновляли самых обездоленных, поднимая их в собственных глазах. «Что может быть отраднее, — писал Руссо, — чем зрелище того, как весь народ предается веселью в день праздника». В руссоизме мир ремесла с удовольствием созерцал свое собственное отражение. Один был не столько порождением другого, сколько звучал ему в унисон.

Однако в ходе революции к Руссо, кроме якобинцев и санкюлотов, обращались и многие другие, причем совсем с иными целями. На пути от руссоизма аристократов 1789 г. к руссоизму монтаньяров 1793 г. произведении Руссо постоянно служили оружием в социальных и политических битвах; иначе говоря, руссоизм не играл никакой объединяющей роли, даже по отношению к высшим кругам общества. То же самое можно сказать и о Просвещении в целом. Преломляясь сквозь призму несхожих целей, к которым стремились разные общественные слои, его идеи менялись в соответствии с этими целями. Это относится и к тем идеям Руссо, которые можно проследить в альманахах с 1788 по 1795 г.

Но в значительно большей степени, чем силой идей, народные массы приводились в движение нищенскими условиями существования. На протяжении всего периода революции борьба в защиту своих требований предшествовала теоретическим обоснованиям и программным заявлениям; именно она их и порождала. В 1793 г. требование максимума на зерно было выдвинуто с целью привести цены на хлеб в соответствие с заработной платой, иными словами, чтобы дать народным массам возможность жить; и только потом в поддержку этих действий стали ссылаться на тезис о праве на существование. В конкретных условиях социальной и политической борьбы II года Республики такое теоретическое обоснование, восходящее через посредничество альманахов к идеям Руссо, могло лишь усилить это движение.

Руссоизм не был одной из движущих сил революции. Но преломляясь сквозь призму общественной реальности, руссоизм поставлял аргументы и теоретические обоснования, использовавшиеся в политической борьбе и социальных конфликтах. Именно в этой взаимосвязи между мыслью и действием проявлялось воздействие идей Просвещения: степень их влияния и особенности их истолкования и применения, их действительность и в то же время их ограниченность и противоречивость. Примером этого может служить судьба руссоистских идей в альманахах революционной эпохи.

РУССО Жан Жак 28.06.1712 2.07.1778

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

И.Верцман. Судьба и современная проблематика наследия Жан-Жака Руссо

А.Собуль. Руссо и якобинизм

Т.Занадворова. Теория Руссо о возвращении к природе

Т.Занадворова. Жан-Жак Руссо в «Драмах Революции» Ромена Роллана

Т.Занадворова. Ж.-Ж.Руссо и «сентиментальные революционеры»

Ж.Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо

В.Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо

и великие утописты

В.Алексеев-Попов. Лев Толстой и Жан-Жак Руссо

(к постановке проблемы)

Р.Дерате. Руссо и социализм

М.Лоне. Своеобразие «Рассуждения о неравенстве» Руссо

в интеллектуальной атмосфере его создания

А.Манфред. Жан-Жак Руссо и его время.

А.Манфред. Руссо и современность

Х.Момджян. Дialeктика в социально-политических размышлениях Руссо

Г.Гобель, А.Собуль. Распространение идей Руссо и истолкование руссоизма

(По альманахам времен Великой французской революции)

П.Алатри. Изучение политических взглядов Руссо в Италии

И.Сиволап. Ж.-Ж. Руссо в советской литературе 1917-1976 гг.